

М.Т. Дьячок

Дьячок Михаил Тимофеевич - главный редактор портала Philology.ru.

Род. в 1959 г. Закончил гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета (НГУ). Работал в Институте филологии СО РАН и Новосибирском государственном педагогическом университете (НГПУ). В настоящее время - директор Центра прикладных лингвистических исследований (г. Новосибирск).

Специалист в области классической филологии, сравнительно-исторического языкознания, истории русского языка и русской социолингвистики.

Автор более 70 печатных работ, в т.ч. ряда книг и учебников.

РУССКОЕ ПРОСТОРЕЧИЕ КАК СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

(Гуманитарные науки. - Вып. 21. - М., 2003. - С. 102-113)

Последние годы оказались весьма продуктивными для понимания сущности русского просторечия - уникального явления в среде носителей русского языка. Несмотря на то, что первые серьезные попытки осмыслить феномен просторечия были предприняты еще в советское время (см. работы Л.И. Баранниковой [1], Е.А. Земской [2] и Д.Н. Шмелева [3]), действительно научный подход к данному явлению стал преобладающим лишь в последнее время. Большой вклад в изучение проблемы просторечия внесли работы российских лингвистов Л.П. Крысина [4], В.Б. Быкова [5], Т.В. Матвеевой [6], В.В. Химики [7] и т.д., а также немецкого исследователя З. Кестер-Томы [8].

То, что научное изучение просторечия началось лишь в последние годы, объясняется не столько собственно лингвистическими, сколько политическими причинами. Конечно же, продолжала играть свою роль и старая филологическая традиция, согласно которой просторечие рассматривалось как явление стилистического характера. В этом отношении показательны однообразные определения просторечия, которые давались в лингвистических работах советского времени. Ср., например, **определение в словаре С.И. Ожегова: "Просторечие - слова и грамматические формы массовой городской разговорной речи, используемые в литературном языке как стилистическое средство для придания речи шутливого, пренебрежительного, иронического, грубого и т.п. оттенка" [9].**

Используясь в таком своеобразном значении, т.е. прежде всего как термин стилистики, просторечие обозначало **стилистически сниженную речь**. Известная триада "разговорное - просторечное - областное" открыто указывала на то место, которое должна была занимать "просторечная" лексика - между лексикой разговорной (*маршрутка, зачётка, разбазаривать* и т. п.) и диалектной (*азям, шабур* и т. п.). Однако кажущаяся простота такой градуальности всегда вызывала немало вопросов.

Исследователи русской некодифицированной речи не раз обращали внимание на относительность подобного противопоставления. Так, рассматривая особенности употребления языковых помет в словарях русского языка, Г.Н. Складневская и И.Н. Шмелева отмечали: "Пометы (разговорное и просторечное - М.Д.) означают разную степень сниженности в пределах лексики, функционально связанной с некодифицированной формой литературного языка и входящей в словарный состав кодифицированного литературного языка на правах специализировавшегося стилистического средства. Граница между "более" и "менее" сниженным неотчетлива и текуча" [10]. И поскольку, действительно, **граница между тремя этими группами лексики оказывалась очень нечеткой и зачастую определялась лишь интуитивными методами и личным мнением составителей словарей, то в**

русистике советских времен получил распространение менее строгий термин - "разговорно-просторечная лексика".

Однако намного более существенными в то время были не лингвистические, а политические соображения. Дело в том, что стремление рассматривать просторечие как целостную (под)систему, во многом противопоставленную русскому литературному языку, наталкивалось на одну из основополагающих идеологических догм - об единстве социалистического общества. Поэтому лингвистам традиционного толка ничего не оставалось, как объявлять просторечие пережитком прошлого, а просторечную лексику рассматривать как остатки лексики необразованных слоев общества, сохранившихся в разговорной речи еще, видимо, с дореволюционных или нэповских времен. В этом отношении показательны высказывание В.В. Виноградова: **"Только в эпоху существования развитых национальных языков... литературный язык как высший нормированный тип общенародного языка постепенно вытесняет диалекты и интердиалекты и становится как в устном, так и в письменном общении выразителем подлинной национальной нормы"** [11].

В целом система русского языка с точки зрения советской социолингвистики выглядела примерно таким образом: **существует единый русский язык**, часто отождествляемый с русским литературным языком (фактически - с языком печатной литературы второй половины XIX - начала XX вв.), **за его пределами находятся стилистически сниженные слова (разговорные и просторечные), а также диалектизмы**, т.е. слова, распространенные в отдельных районах распространения русского языка, причем две последние группы слов находятся в стадии постепенного исчезновения. **В действительности же эта, казалось бы, стройная схема, как выяснилось, не имела почти ничего общего с реальным положением дел.**

Важнейшим следствием подобной схемы оказывался явно ошибочный вывод, что литературная, разговорная и просторечная лексика должны были использоваться в речи одних и тех же людей. За пределами этого единого языкового континуума оставались лишь диалектизмы. Этот вывод, конечно же, был абсолютно неверен, зато так же абсолютно не противоречил догматическому утверждению об единстве советского общества.

* * *

В настоящее время просторечие обычно определяется как форма (разновидность) русского языка, на которой говорят необразованные и малообразованные слои общества. [Wie unsere Verkäuferin aus Odessa, die ja selbst gesagt hat, sie sei kaum in der Schule gewesen.] Однако несмотря на свою краткость (или вопреки ей) это определение кажется не вполне удовлетворительным. На наш взгляд, для того, чтобы дать адекватное определение термину просторечие, необходимо более четко очертить круг людей, использующих данную форму языка в своей речи, т. е. определить состав его носителей.

В конце 1980-х - начале 1990-х гг, в эпоху перестройки, в социологии получил распространение термин **"простой человек"** [12], обозначающий людей, **не получивших достаточного образования и занятых, как правило, неинтеллектуальным трудом.** Данная группа русскоязычного населения может быть выделена по трем основным признакам: 1) **сфера деятельности**, 2) **система ценностей и целей**, 3) **язык**. Признаки расположены в порядке убывания их значимости при определении социальной принадлежности индивидуума. На наш взгляд, ведущим параметром, определяющим принадлежность конкретного человека к группе "простых людей", является сфера деятельности.

Несмотря на то, что язык оказался отодвинутым лишь на третье место, он является важным стратификационным признаком. **Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что сфера деятельности того или иного человека определяет его систему ценностей и целей и "подсказывает" ему, на каком языке говорить.**

Важная роль языка как "показателя социальной стратификации" подчеркивалась Дж. Гамперцом еще в начале 1960-х гг. [13].

В данном случае таким языком является просторечие.

Разберем более подробно первый и третий из этих признаков: сферу деятельности носителей просторечия и их язык. Система ценностей и целей этой группы была подробно рассмотрена в другой работе [14].

1. Сфера деятельности.

"Простой" человек (resp. носитель просторечия) занят, как правило, неквалифицированным трудом. Основные профессии мужчин - носителей просторечия: **охранник, шофер, строительный рабочий, порученец (менеджер), уличный торговец и т. п., женщин - продавец** (в т.ч. занимающийся уличной торговлей), **кондуктор, неквалифицированный рабочий и т. п.** Очень много носителей просторечия среди рядовых милиционеров и других сотрудников силовых ведомств. На просторечии в основном говорят и военнослужащие срочной службы. При этом, правда, следует отметить, что в повседневном общении на темы солдатского быта они также активно используют солдатское аргю [15], однако в своей основе солдатское аргю представляет собой типичное просторечие с вкраплениями арготической лексики. Число собственно арготических слов в солдатском аргю вряд ли превышает трех сотен (это, например, такие слова, как *котел* 'военнослужащий третьего периода службы (от года по полутора лет)' или *хлеборез* 'солдат, занимающийся нарезкой хлеба и распределением масла и сахара'), что же касается многих других слов солдатского аргю, то они явно находятся на границе между аргю и просторечием (*напрягаться* 'много работать', *разводяга* 'большая ложка, которой различают суп или накладывают кашу из общего котла; половник' и др.).

Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время просторечие не является только фактом городской жизни (такое утверждение иногда приходится встречать в некоторых работах по русистике). Действительно, в первой половине XX века, до эпохи коллективизации, сталинских репрессий и принудительных миграций населения, такое утверждение было обоснованным, так как в тот период еще сохранялись старые территориальные диалекты. В своем докладе, прочитанном в 1926 г. **Б.А. Ларин** одним из первых употребил термин "**городское просторечие**", которое он со свойственной ему парадоксальной точностью использовал для обозначения "**некоего "низкого" общего разговорного языка**" [16]. Однако по сравнению с 1920-х годами ситуация изменилась коренным образом. Решающий удар по русским территориальным диалектам был нанесен в сталинское время [17]. С тех пор территориальные диалекты начали исчезать довольно быстрыми темпами. Отдельные факты диалектной речи сохранялись только в речи женщин преклонного возраста. **В настоящее время можно почти с полной уверенностью сказать, что территориальные диалекты в русской деревне больше не употребляются** [18]. Собственно говоря, факт исчезновения территориальных говоров нельзя было не замечать и в советское время, ср., например, сделанное еще в 1978 г. наблюдение А.И. Федорова: "**В современных условиях нельзя найти такой периферийный говор, который был бы изолирован от влияния литературного языка**" [19].

Однако влияние литературного языка на жителей русскоязычной деревни все же было минимальным. В результате **на смену территориальным говорам пришло общерусское просторечие.** В этой связи очень показателен следующий факт: уже в 1970-х гг. жители глухих старообрядческих деревень в Красноярском крае говорили на общерусском просторечии лишь с небольшой примесью диалектных слов и словоформ. Таким образом, использование термина "городское просторечие" в настоящее время представляется неправомерным, так как просторечие не в меньшей мере распространено и в сельской местности.

Социальным ядром носителей просторечия являются лица, занимающиеся криминальной и полукриминальной деятельностью. По косвенным данным, число подобных лиц и членов их семей может составлять до трети всего населения современной России. Это такие сферы деятельности, как воровство, грабежи, разбои, попрошайничество, вымогательство, торговля наркотиками и оружием, проституция, сутенерство, мошенничество, ростовщичество, сбыт краденого и т.п. Для нынешней ситуации очень характерно то, что легальная и нелегальная (криминальная или полукриминальная) деятельность тесно переплетены. **Так, для ряда преподавателей вузов основным источником доходов является не их официальная зарплата (которая, к тому же, очень мала), а взятки со студентов: прямые или завуалированные под репетиторство** [20]. Широкое распространение полулегального криминала привело к тому, что сократилась сфера деятельности традиционного, полностью нелегального, криминала. Результатом этого процесса стало отмечаемое исследователями сокращение сферы функционирования уголовного жаргона, который активно заменяется именно просторечием [21].

Необходимо отметить, что криминальными и полукриминальными промыслами в современной России занимаются прежде всего мужчины молодого и среднего возраста. Это объясняет любопытный парадокс - то, что сейчас просторечие намного больше распространено среди мужчин, чем среди женщин.

Наконец, в последнее время, в связи с общей криминализацией общественной жизни России, просторечие все активнее используется в речи предпринимателей, чиновников различного уровня, вплоть до самых высших. [Mit Aussage am Anfang des Kapitels vergleichen.] В этой связи приведем только замечание А.П. Чудинова, исследовавшего употребление метафоры в русской политической речи: "Известно, что сексуальная метафора издавна используется в русском национальном языке (показательно, что именно с сексуальной сферой связаны наиболее сильные русские инвективы), но областью ее использования традиционно считались жаргоны и просторечие, тогда как в литературной речи, и особенно в средствах массовой информации, подобные образы практически не встречались" [22]. В политической же речи последних лет сексуальная метафора, просторечная по происхождению, встречается очень часто.

2. Язык.

В рамках одной статьи невозможно перечислить все лингвистические особенности современного просторечия. Поэтому остановимся лишь на наиболее существенных из них, тех, которые характеризуют просторечие как целостную подсистему и отличают его как от русского литературного языка, так и от других подсистем русского языка.

1) Фонетические особенности просторечия

Роль фонетических особенностей просторечия порой недооценивается. По умолчанию предполагается, что фонетические системы просторечия и литературного языка в целом совпадают. В качестве единственного исключения называют лишь акцентуационные различия (*свекл'а* [свёкла], *д'оговор* и т.п.). Действительно, системы фонем совпадают в обеих формах языка. Однако дело обстоит иначе, если мы обратимся к интонационным

и акустическим особенностям просторечия. Не случайно, что именно эти черты рассматриваемой формы языка обычно имитируют артисты, изображающие типичного "простого" человека. [vgl. *fingierte Jugendsprache / Pseudojugendsprache*]

К числу характерных фонетических признаков просторечия можно отнести следующие:

1. Повышенная по сравнению с литературным языком громкость речи.
2. Общение на расстоянии (перекликивание).
3. Своеобразная интонация, воспринимаемая носителем литературного языка как "грубая", "агрессивная".
4. Фарингализация ("осипший" голос) [*Pharyngalisierung: Lautbildung im Rachen, vor allem Arabisch*] и назализация.
5. Отрывистость [*Звучащий без плавных переходов, с короткими паузами, резкий.*] фонетических фраз с постановкой логического ударения к концу фразы.
6. Использование особых звукоизобразительных приемов (хихиканье в высокой тональности, звукоизобразительные слова - *бах, бум, бац* и т.п.).
7. Экспрессивная геминация [*Gemination: Verdoppelung von Wörtern oder Buchstaben im Anlaut*] начального согласного слова, например: [чч'о] 'что', [кказ'ол] 'козёл' и т.п.
8. Пониженный тембр голоса (у женщин).
9. Частое использование свиста в коммуникационных целях (особенно для привлечения внимания, подзывания собеседника) [23].

Происхождение этих фонетических особенностей до сих пор не выяснено. Несомненно, что какая-то их часть (например, свист) восходит к речевому поведению носителей уголовных жаргонов. Фарингализация и назализация может быть объяснена как имитация престижного "лагерного" произношения, поскольку большое число заключенных страдают от туберкулеза [24]. Однако в целом фонетическое описание просторечия - задача будущего.

2) Лексические особенности просторечия

В области лексики отличие просторечия от литературного языка проявляется наиболее отчетливо. Выделяется три основные группы лексики, отличающие просторечие от литературного языка.

1. Маты и обсценная лексика - важнейший признак просторечия [25]. Использование мата в литературном языке абсолютно недопустимо, он просто отсутствует в его лексической системе [26]. И хотя в разговорном стиле литературного языка подобная лексика может использоваться в игровых целях, как имитация просторечия и т.п. однако эти случаи выходят за пределы употребления литературного языка и сопоставимы, например, с использованием иноязычных выражений: французских в XIX в., английских - в наше время. В просторечии же маты не табуированы. Это не означает, что они должны обязательно употребляться в речи, однако нормативно-стилистических ограничений на их использование в просторечии в принципе не существует.

Речь с использованием матов является своеобразным регистром, на который носитель просторечия переключается в том случае, когда он хочет подчеркнуть свое возбуждение, раздражение, агрессивность или просто готовность к активным действиям, в т.ч. инвективному поведению. Так, например, выражение *Ну что, похуярили!* в просторечии не просто имеет значение 'Ну что, пошли!', но также содержит целый комплекс коннотативных компонентов, в т.ч. призыв действовать активно, демонстрацию окружающим своего социального статуса и т.п., что Ю.А. Левин удачно описывал с позиций теории иллокутивных актов [*речевой акт*] [27]. Семантика подобных компонентов до сих пор остается описанной недостаточно полно [28].

Такой регистр отсутствует у носителей литературного языка. Частота переключения на этот регистр во многом зависит от конкретной группы внутри носителей просторечия и даже от конкретного человека, но в целом это происходит достаточно часто.

Необходимо учесть, что маты и обсценная лексика (ругательства) - не одно и то же. Самые обидные ругательства в современном просторечии - *лох* и *пидор* - как раз не имеют никакого отношения к матам. То же относится и к другим ругательствам - *козёл*, *сука* и др.

2. **Лексика, характерная именно для просторечия и отсутствующая в других языковых системах.** Сюда же относятся и слова, развившие в просторечии **новое значение** по сравнению с другими разновидностями русского языка, например, с литературным языком. Лексика, принадлежащая к этому слою, может быть названа собственно просторечной. В этом смысле она мало чем отличается от исконной лексики любого самостоятельного языка. Слова, входящие в эту группу, часто входят в основной лексический фонд языка (и даже в список М. Сводеша). Ср., например: *пацан* 'мальчик, юноша' [29], *батя*, *пахан* 'отец', *баба* 'женщина', *тёлка* 'девушка', *падать* 'садиться, ложиться', *прикинуться* 'одеться', *подшаманить* 'отремонтировать, привести в норму', *дряхнуть* 'спать', *лимон* 'миллион', *тачка* 'автомобиль', *видак* 'видеомагнитофон', *манатки* 'вещи', *базар* 'разговор', *ложить* 'класть', *мочить* 'убивать', *приспичить*

'внезапно захотеться', *припереться* 'прийти', *вломить* 'ударить', *заехать* 'ударить' *лапать* 'трогать', *ржать* 'смеяться', *выпендриваться* 'вести себя нескромно, напоказ'; *гулять* 'пить, пьянствовать в компании', *чурка*, *чучмек* 'представитель восточных народов (обычно тюркских)', *чех* 'чеченец', *афганец* 'участник войны в Афганистане' и т.д.

Причины, по которым в просторечии сформировалась эта группа лексики, могут быть двоякого характера. Во-первых, она возникает как результат действия естественного процесса формирования лексической системы нового языкового образования. Во-вторых, подобная лексика призвана обозначать понятия, которые по ряду причин не актуальны для носителя литературного языка, ориентированного на ценности западной цивилизации. По этой причине среди собственно просторечной лексики имеются богатые синонимические ряды со значением 'пить, пьянствовать' (*бухать*, *квасить*, *кирять* и т.п.), 'обманывать' (*гнать*, *заливать* и др.), 'убить, убивать' (*замочить*, *пришить* и т.п.), 'бить, избивать', 'воровать', и т.п. Ср. также такие слова как *стрелка* 'встреча для выяснения отношений' и даже просто 'встреча, свидание', *лох* 'человек, не разделяющий систему ценностей носителей просторечия' (первоначально 'человек, которого можно обмануть или ограбить; жертва преступника'), *отвалить* 'отстать, перестать приставать, отказаться от ограбления', *разборка* 'выяснение отношений (часто с применением силы или оружия)', *подстава* 'провокация', *крыша* 'криминальное прикрытие, защита', *заказать* (кого-либо) 'указать в качестве жертвы для наемного убийцы' [30] и т.п. Все это слова, входящие в активный лексический фонд носителя просторечия; мало того, в результате интенсивной телевизионной пропаганды данные слова знакомы и носителям литературного языка. Значение этих и многих других слов невозможно понять, не вникая в особенности быта и деятельности лиц, принадлежащих к рассматриваемому социальному слою. Очевидно, все дело тут в своеобразии картины мира носителя просторечия, повседневная жизнь которого во многом связана с криминальной или полукриминальной деятельностью.

3) **Своеобразные вокативные формы.** Их система существенно отличается от системы вокативных форм русского литературного языка и является своеобразным маркером, позволяющим сразу же определить носителя просторечия. Прежде всего, это характерные формы обращения: *братан*, *земляк*, *зёма*, *пацан* (к молодому мужчине - носителю просторечия), *отец*, *батя* (к пожилому мужчине), *мать* (к пожилой женщине).

Иначе, чем в литературном языке, образуются и формы имен собственных, например, при помощи суффиксов: *-ок, -ян, -(ю)ха*: *Ленок* (от Лена, Елена), *Санёк, Саня* (от Саша, Александр), *Толян* (от Толя, Анатолий), *Костян* (от Костя, Константин), *Катюха* (от Катя, Катерина), *Лёха* (от Лёша, Алексей) и др.; ср. также *Серый, Серёга* (от Серёжа, Сергей), *Стас* (от Станислав), *Макс* (от Максим) [31]. К пожилым носителям просторечия обращаются, используя слова *дядя* и *тётя*: *дядя Коля, тётя Люба*. Наконец, типичным для носителя просторечия является обращение на *ты*, независимо от возраста и пола собеседника.

Что касается других уровней языка, то наиболее отчетливо особенности просторечия проявляются на уровне фразеологии. В целом носители некодифицированных формы языка (жаргонов, диалектов) более склонны использовать фразеологизмы (фактически речевые клише), чем носители литературного языка. Ср., например, такие клишированные словосочетания, как *по ходу* 'кажется; похоже'; *без базара* 'все понятно; будет сделано'; *бред сивой кобылы* 'ерунда, чепуха'; *нежности телячьи* 'чрезмерное проявление чувств' и т.п.

В то же время следует отметить, что отличия просторечия от литературного языка в сфере морфологии и словообразования единичны. Из подобных отличий можно назвать, например, слова мужского рода, которые в просторечии перешли в категорию женского рода: *тюль, толь, шампунь*, иногда также *туннель*, или более активное, чем в литературном языке, использование деминутивов (в основном в речи женщин в эвфемистических целях и в т.н. "детской речи" [32]): *яички, колбаска, книжка, мяско* (в литературном языке - *мясо*) и даже *кушенькать* (т.е. 'есть') [33].

* * *

Итак, просторечие - термин русистики, обозначающий своеобразное явление, существующее в русскоязычной среде. Оно может быть определено как язык повседневного общения "простого" человека. Просторечие фактически не имеет параллелей в других языковых общностях, на что в свое время обращали внимание многие исследователи. Не случайно З. Кёстер-Тома с уважением назвала русское просторечие лингвистическим феноменом, "которому почти нет адекватного явления в других языках" [34].

Примечания

1. Баранникова Л.И. Просторечие как особый социальный компонент языка // Язык и общество. Вып. 3. - Саратов, 1974.
2. Земская Е.А. Русский литературный разговорный язык и городское просторечие: сходства и различия // Problemi di Morfosintassi delle Lingue Slave. Bologna, 1989, № 2.
3. Городское просторечие. Проблемы изучения / Отв. ред. Е.А. Земская и Д.Н. Шмелев. - М., 1984; Разновидности городской устной речи / Отв. ред. Д.Н. Шмелев и Е.А. Земская. - М., 1988.
4. Крысин Л.П. Просторечие // Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. - М., 1989.
5. Быков В. Жаргоноиды и жаргонизмы в речи русскоязычного населения // Русистика, 1994, № 1-2; Быков В. Русская феня. Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. Munchen, 1992.

6. Живая речь уральского города. Тексты. / Отв. ред. Т.В. Матвеева. - Екатеринбург, 1995.
7. Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. - М., 2000; Химик В.В. Современное городское просторечие как феномен культуры // Преподавание русского языка как иностранного: Традиции и перспективы. - СПб., 1999.
8. См., например, Кестер-Тома З. Русское просторечие как объект лексикографии // Русистика, 1996, № 1-2 и др.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М., 1973. - С. 573.
10. Скляревская Г.Н., Шмелева И.Н. Разговорно-просторечная и областная лексика в словарях и в современном русском языке (лексикографический аспект) // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. - М., 1974. - С. 91.
11. Виноградов В.В. Литературный язык // Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. - М., 1978. - С. 292.
12. См. Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под ред. Ю. Левады. - М., 1993; Lewada J. Die Sowjetmenschen 1989-1991. Soziogramm eines Zerfalls. - Argon, 1992.
13. Гамперц Дж. Об этнографическом аспекте языковых изменений // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. - М., 1975. - С. 300; из работ последнего времени см.: Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1.
14. Дьячок М.Т., Моисеев С.В. Качественные методы в политической науке (социолингвистические и этнографические подходы) // Взаимодействие политической науки с органами государственной власти. - Екатеринбург, 2002. - С. 31-36.
15. См. об этом подробнее: Дьячок М.Т. Русское солдатское арг (материалы к описанию) // Russian Linguistics. V. 14. - Dordrecht, 1990. - С. 255-267; Дьячок М.Т. Солдатский быт и солдатское арг // Russistik. - Berlin, 1992, № 1. - С. 35-42.
16. Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). - М., 1977. - С. 188.
17. Проведенные автором данной статьи исследования судьбы локального говора на территории Каргатского района Новосибирской области показывают, что он перестал передаваться именно в 1930-е годы, когда значительно усилилась социалистическая пропаганда, юноши стали проходить службу в армии и в отдаленную деревню были переселены носители русского литературного языка из различных районов СССР. (Результаты исследования пока не опубликованы).
18. Это не значит, что территориальные диалектизмы полностью исчезли. Напротив, они составили один из важнейших лексических слоев просторечия (см. об этом подробнее: Дьячок М.Т. Русское арг и русские говоры: К соотношению лексических систем // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур. Т. 1. Новосибирск, 1995; Дьячок М.Т. Диалектная лексика в современных русских арга // Наука. Университет. 2000. Материалы Первой научной конференции. - Новосибирск, 2000), однако это уже отдельный вопрос.
19. Федоров А.И. Слово и фразеология в современной сибирской диалектной речи // Восточнославянское и общее языкознание. - М., 1978. - С. 168.
20. О мотивах, заставляющих людей работать в вузах см. подробнее: Моисеев С.В. Преподаватели российских вузов: ценности и трудовая мотивация // Наука. Университет. 2002. Материалы Третьей научной конференции. - Новосибирск, 2002. - С. 168-171.

21. См. об этом: Крысин Л.П. О перспективах социолингвистических исследований в русистике // Русистика, 1992, № 2. - С. 99; Быков В. Жаргоноиды и жаргонизмы в речи русскоязычного населения. - С. 85 и сл.
22. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). - Екатеринбург, 2001 (раздел 2.4. "Сексуальная метафора").
23. Об этом см., в частности: Дьячок М.Т., Моисеев С.В. Качественные методы в политической науке (социолингвистические и этнографические подходы). - С. 31; Дьячок М.Т., Моисеев С.В. Социолингвистический портрет носителя просторечия // Сибирский лингвистический семинар. - Новосибирск, 2003, № 5 (в печати).
24. Таким же образом некоторые характерные поведенческие черты носителей просторечия (например, частое сплевывание, сидение на корточках) могут быть объяснены как имитация "лагерного" поведения.
25. Из многочисленных работ по русскому мату назовём лишь некоторые: Косцинский К. Словарь русской ненормативной лексики // Russian Linguistics. Vol. 5, 1980. - P. 133-150; Dreizin F., Priestly F. A Systematic Approach to Russian Obscene Language // Russian Linguistics. Vol. 6, 1981. - P. 233-249; Левин Ю.И. Об обценных выражениях русского языка // Russian Linguistics. Vol. 10, 1986. - P. 61-72 (перепечатано в кн.: Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. - М., 1998. - С. 809-819); Timroth W. Russian and Soviet Sociolinguistics and Taboo. Varieties of the Russian Language. - Munchen, 1986; Ильясов Ф.Н. Мат в три хода (опыт социологического исследования феномена нецензурной брани) // Человек, 1990, № 3. - С. 198-204; Мокиенко В.М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика, 1994, № 1/2. - С. 50-73 и многие другие.
26. О табу на мат см., например, классическую работу: Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии (Статья первая) // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. T. 29, 1983. - С. 33-34.
27. Левин Ю.И. Указ. соч. - С. 61 и сл.
28. Так, почти не изучена фонетическая функция матов - как своеобразных маркеров границ фонетической фразы (или фонетического такта).
29. Ср. использование этого слова в предвыборной рекламе, ориентированной на носителей просторечия, например, в ролике Г. Райкова - одного из лидеров проправительственной Народной партии России: "С каждого пацаненка начинать надо" (речь идет о нравственном воспитании молодежи).
30. Ср. каламбурное использование этого слова в рекламе компьютеров: А еще вы можете заказать своего друга. Каламбур был бы невозможен, если бы создатели рекламы не были уверены, что потенциальные потребители поймут их.
31. Факт принадлежности подобных форм к просторечию, к сожалению, никак не учтен в работе: Супрун А. О прагматической парадигме русского личного имени собственного // Русистика, 1993, № 2. - С. 43-53.
32. В понимании Ч. Фергюсона, т.е. той формы языка, на которой взрослые общаются с детьми, см.: Фергюсон Ч. Автономная детская речь в шести языках // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. - М., 1975. - С. 422-423.
33. См. о таких словах работу: Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика, 1994, № 1-2 - С. 48.
34. Кестер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нестандарт // Русистика, 1993, № 2. - С. 23. Ср. также статью о просторечии в "Лингвистическом энциклопедическом словаре" (Бельчиков Ю.А. Просторечие // Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990. - С. 402).

